

Ор 74.2
НЗ8
А-386834

«Не изменяй себе,
великая Россия!»

Op 74.2
H 38

Op 74.200.58
74.200.544.1

Министерство образования Оренбургской области
ГАУДО «Оренбургский областной Дворец творчества
детей и молодежи им. В.П. Поляничко»
Отдел «Центр «Истоки»

*Издание посвящено памяти
поэта Г.Ф. Хомутова*

**«НЕ ИЗМЕНЯЙ СЕБЕ,
ВЕЛИКАЯ РОССИЯ!»**

Сборник литературно-художественного творчества
детей Оренбуржья

Оренбург, 2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

a-386834

KP

Предисловие

Этот сборник, созданный по итогам проведения очередного областного конкурса детского литературного творчества «Рукописная книга», посвящён памяти замечательного поэта, педагога с большой буквы, вдохновителя создания областной Литературной гостиной ООДТДМ им. В.П. Поляничко, руководителя областного литературного объединения им. В.И. Даля и детского литературного объединения «Расцветающий сад» Геннадия Фёдоровича Хомутова.

Он так мечтал о выходе этой книги! С таким вниманием и любовью подмечал стихи и рассказы для неё!

Казалось бы, не один десяток подобных сборников выпустил он за полвека своей работы с детьми, но каждый был для него будто первым, непохожим на предыдущие. Каждый сборник был вестью о том, что русское слово живо.

Окончательную редакцию книги «Не изменяй себе, великая Россия!» готовили уже ученики и последователи Геннадия Фёдоровича. Но замысел его.

Эта книга, в названии которой стоит тютчевская строка, — завет Геннадия Фёдоровича. И девиз, под которым он так ярко и талантливо жил.

Он искренне и горячо любил нашу Родину. «Служу Отечеству и русской литературе», — говорил он о себе. И его литературное служение было всегда служением ближнему, служением юному таланту, той искорке одарённости, из которой Геннадий Фёдорович, как никто другой, умел разжечь пламя.

Я не встречал более последовательного и стержневого человека. Человека, ни в чём не изменявшего себе, никогда не поступавшего своими принципами. Геннадий Фёдорович очень ценил это качество в людях и искал единомышленников, ориентируясь на твёрдость духа и волю к победе светлых сил.

Геннадий Фёдорович Хомутов очень хотел, чтобы наше настоящее, наша сегодняшняя Россия не изменяла своему великому прошлому, оставалась верна Пушкину и Далю, Тютчеву и Лермонтову, Блоку и Есенину, Твардовскому и Рубцову и многих, многих других, всех действительных героев отечественной культуры, оставивших после себя живое горение мысли и живые, страстные убеждения.

Разделы нашего сборника, посвящённые Великой Отечественной войне, замечательным людям и природе родного края, семейным ценностям и размышлениям авторов о насущных проблемах дня сегодняшнего, названы строчками из стихотворений Г.Ф. Хомутова.

Финальный раздел книги составили стихи последнего поколения учеников Геннадия Фёдоровича: тех, кто пришёл к нему двадцать лет назад ровесниками нынешних школьников; тех, кто не бросил писать и прочно связал свою жизнь с литературой.

Быть учеником Геннадия Фёдоровича очень трудно: это высокая планка, это невозможность изменить ни Родине, ни учителю, ни слову. Постараемся же остаться учениками Хомутова!

Михаил Кильдяшов

«В КАЖДОЙ СТРОКЕ СУДЬБУ УЗНАЮ...»

Это было, и этого не забыть!

Фёдор Бархатов

Алмалинская СОШ

Тюльганский район

На уроках, по телевидению, в семье то и дело говорят о том, что у нас хотят украсть Победу.

Мне трудно судить об этом в мировом масштабе, но в истории моей семьи я придерживаюсь только этого: «Помнить, забыть нельзя!»

«...Так тепло греет солнышко. Мы с сестрой укладываем нашего младшего братишку Коленьку спать. Тятя с маменькой в поле — страда. Коля долго не засыпал, тогда я оставила Марусю петь колыбельные (она старше меня, да и поёт лучше), а сама пошла выполнять маменькины послушания: выскоблить ножом полы, выполоть грядки.

Не люблю я эти полы скоблить, но купаться очень хочется. Встала, взглянула на свою работу, а полы, как зебра — полосатые. Ох, и достанется мне от маменьки (она у нас чистюля), но так неохота перемывать, может, придут затемно и ничего не видно будет, да и на речку хочется. Коля поди уж уснул.

Эх, и травища-то поднялась! Да и немудрено! Третьего дня ливень какой был, а потом теплынь установилась: вот трава-то и прёт. Я сейчас с ней вмиг расправлюсь.

Я старалась на совесть (может, за полы не так попадёт). Корчага стремительно наполнялась сорняком, а на чёрной земле формировался чёткий зелёный силуэт морковки. Ох, и люблю! Маменька наверняка похвалит. Корчагу травы Хавронья отдам.

Хавронья — это наша свинья. Она большая, неповоротливая и очень добрая. Любит, когда ей пузо чешут.

— Не сейчас, Хавронья, побегу, скупнусь, Маруся уже ждёт.

Бултых... и вожделенная прохлада окутала всё тело, над головой сомкнулись круги воды... Но я не могу вынырнуть,

мне холодно и трудно дышать, холод сковывает движения, я не могу шелохнуться и задыхаюсь...

Такой тёплый поначалу сон вызвал тёмные воспоминания.

Шёл февраль 1942 года. За окном вьюжило. Стали слышны жалобные всхлипы ставен. Звенцы в окошках гортанно переговаривались, кошка мяукала в сенах, просясь в избу. А вот Шарик молчит, спрятался от непогоды, наверное, свернулся калачиком и ни гу-гу.

Как хорошо было во сне! Хорошо было до войны. Война!.. Война ведь идёт!.. Полетели белыми лебедями воспоминания...

Своего папу я очень хорошо помню. Он был добрым и очень красивым. Красота его была не только внешней, он красиво работал, улыбался, отдыхал. Таких людей, к сожалению, очень нечасто встретишь. Я теперь только понимаю, что его необыкновенная красота была в нём от того, что жизнь его была чрезмерно коротка...

Полы, грядки, речка. Я сижу на коленях у тятяки, прижавшись к его колючей щеке. От него пахнет потом, лошадьми и махоркой, но это такой родной и любимый запах. Я его никогда не забуду. Тятя у нас был очень добрым, никогда не ругал, и всегда у него для нас что-нибудь было: то дрюпу принесёт, когда её ещё нигде нет, то дикого чеснока или щавеля, то первых ягод. А однажды осьмушку изюму где-то раздобыл. М-м-м-м... как вкусно!

Как светились любовью и счастьем глаза взрослого мужчины, который свысока смотрел на нас и во весь голос смеялся и кричал: «Детушки мои, мои-и-и-и-и родименькие». И мы бежали к нему, обнимая и целуя его, какой он был... Был? Почему БЫЛ? Он есть, есть, есть и будет!!!

А восточки-то от тяти давнёхонько не было... тьфу, Господи, опять «не было».

Ой, маменька встала. Сейчас будить нас станет.

Чиркнула спичками, затрещали дрова в печи, потянуло дымом и теплом, чугунок — на шесток и в печку. Запахло варёной картошкой, под ложечкой засосало... сейчас будить станет...

— Маруся, Нюра, вставайте, завтрак стынет. В школу пора.

Ночь кончилась, неохотно прокрался сквозь замёрзшие стёкла дымчатый свет пасмурного зимнего утра.

Собираемся в школу.

— Марушь, может, останешься, ведь в жару ты вся, — шепчу я сестре.

— Нет, сегодня стихи читать будем. Настасье Трофимовне сын с фронта прислал продолжение «Василия Тёркина», он тятю нашего напоминает. Не бойся, Нюра, обойдётся. Да и чувствую я себя хорошо. Пошли!

И, весело схватив суконку, подалась к двери. Я поспешила за ней, чтоб «в одну дверь»!

К обеду метель стала усиливаться. И уже света белого не видно. Домой мы пробирались на ощупь. Вымокли до нитки. Маруся опустилась без сил на лавку возле пышущего жаром подтопка. Разомлев, произнесла:

— Маменька, Нюра, Коляшка, я сегодня как будто с тятенькой наговорила на уроке литературы. И мне почудилось, что мы с ним встретимся скоро. Может, он в отпуск придёт.

Потом легла на лавку и говорит:

— Маменька, посмотри, какой мне гроб большой надо будет — я уже длиннее лавки.

— Что ты, Маруся, такое говоришь, чур тебя!

А в ночь просто светопреставление началось: следы заметало в секунду. Беленилась непогода три дня и три ночи. Сгорела от жара Маруся, не поспела к ней помощь. Схоронили. Тяте-то как сообщить? Был бы он дома, спас бы Марусю. Опять «БЫЛ», что за напасть?!

Маменька обзавелась ведром муки — несметное богатство!!! Поставила опару. Курёнки снесли два яйца. Тётка Лукерья принесла крынку молока. Утро.

— Нюра, подь блинцы печь.

В другой раз я от счастья бы задохнулась, а тут... Нынче 9 дней.

Эх, Маруся...

Вкусно пахнет пареной калиной, тушёной квашеной капустой — начинками для поминальных пирогов.

Маменька постелила праздничную, ещё довоенную, клеянку. Помянули. Плакали много: и о Марусе, и о уже погибших, и о ещё живых.

Стемнело. Мы с Николенькой — на печку, стали задрёмывать. Вдруг сон разогнал чёткий глухой мужской стон.

— Маменька, кто это? — испуганно спросила я.

Беда не приходит одна. Почтальонка свернула по тропке к дому, но в избу не вошла — плохой знак.

— Нюр, чегой-то там почтарька оставила, подь, глянька.

— Письмо! От тяти... наверное.

— «... ваш муж Сорокин Фёдор Кириллович пал смертью храбрых в боях за Москву...»

Полы маменькиного зипуна стали мокрыми от наших слёз.

— Не печальтесь, детушки, тятя ваш теперь с Марусей встретились, им там не одиноко будет, — сдерживая рыдания, сказала маменька».

Как можно забыть или уничтожить это из истории моей семьи? Это случилось в семье прапрадедушки и прапрабабушки. Эту историю бабушка моей мамы поведала ей, а мама рассказала мне. Я записал, оставил в архиве моей семьи. Теперь эту историю узнают и мои дети, внуки.

Пока мы чтим память о погибших и пришедших домой с Победой, никто и ничто не убедит нас в том, что Победа выкована не руками НАШИХ предков.

Теперь я знаю тебя, прапрадед!

Алексей Бастрыкин

*Буртинская СОШ
Беляевский район*

Однажды мы всей семьёй поехали к моим прадедушке и прабабушке. Наш путь был неблизкий: мы ехали больше трёх часов на машине. Мама вспоминала, как в детстве гостила у них. Сколько трогательных историй рассказала она. Мне было интересно, и я почему-то тоже захотел туда, в эти истории. Чем ближе мы подъезжали к деревне, тем мама заметнее начинала волноваться: она стала неразговорчивой, а на глазах её заблестели слёзы. Вот показалась деревня, мама стала суетиться, она узнавала места своего

детства: «По этой дороге мы с дедушкой возили молоко, а это магазин, в который привозили арбузы и лимонад...»

Она рассказывала нам и про пруд посередине деревни, и о землянике, которая росла буквально везде, и про дом, который должен сейчас показаться. Но вот и дом, вернее, только палисадник, а рядом с ним куча целых кирпичей. Мама, конечно, знала, что и живут теперь на этом месте чужие люди, и дом они сломали и строят свой, новый, но сама увидела всё только сейчас. Мы замедлили ход, мама смотрела на новый дом, на машину, стоящую в их дворе, и на детей, играющих в палисаднике. А я смотрел на маму и понимал, как она тоскует по прошлому, как она любит своё прошлое и как оно ей дорого.

Но мы проехали мимо и поехали дальше, выехали за деревню. Я не понимал, куда мы едем, но не хотел нарушать молчания и отрывать маму от её мыслей. Вдруг показался какой-то лесок, огороженный штакетником. Мы подъехали ближе, и я увидел, что это было старое кладбище. Мама быстро нашла две могилки, заросшие травой. На них стояли деревянные кресты, покрашенные синей краской, а на крестах были фотографии прабабушки и прадедушки. Так я «познакомился» с ними. Мама гладила фотографии, а папа рвал траву. Мне бросилось в глаза то, что на могилках были цветы. Мама объяснила, что это местные школьники следят за могилами ветеранов. И тут у меня в голове будто всё перевернулось: как так? Это мои, мои прадедушка и прабабушка, без них не было бы моей любимой бабушки и моей мамы и даже меня! Незнакомые мне ребята убирают эти родные для меня могилы, но совсем чужие для них. Я стал помогать папе, я хотел как можно чище и красивее убрать могилки. Потом мама зажгла свечку, мы стояли, молчали, и каждый думал о своём. Через какое-то время мама сказала, чтобы я никогда не забывал их и всегда навещал. После мы попрощались и ушли с кладбища. Возле деревни была большая красивая река и лес. Папа решил остановиться на берегу реки и пообедать на фоне необыкновенной красоты: река журчит, листья огромных деревьев шелестят и птицы поют.

Мне не давали покоя слова мамы: «Это местные школьники следят за могилами ветеранов». Кто такие ветераны? Мама рассказала, что во время Великой Отечественной войны мой прадед, Пантелеев Прокофий Семёнович, воевал. Он ушёл в армию в 1939 году, а вернулся домой только в 1947 году. Рассказывать о войне не любил, только всего и говорил, что всё было, трудно было. И когда каждый год приближался День Победы, прабабушка доставала его костюм, весь увешанный медалями, чистила и вешала в «передний угол» ждать своего часа.

На 9 Мая прадедущка надевал его и шёл на праздник, на митинг. А вечером он долго сидел за столом, на котором лежал костюм, смотрел на ордена и медали и молчал, только иногда было видно, как быстро смахнёт он слезу со щеки или как мимолётная улыбка озарит его глаза. О чём он думал в те моменты? Точно никто не скажет, но ясно, что пережил он много: перетерпел, перестрадал, но всё равно вернулся, женился на девушке из соседней деревни, создал крепкую семью.

Мы все сидели и слушали маму, а я почувствовал гордость, что у меня такой прадед, и в то же время благодарность ему за то, что я есть, за то, что сижу здесь, наслаждаюсь красотой природы, за то, что мир, за то, что мне просто так хорошо. Когда я ехал домой, то много думал о войне, о солдатах и о своём прадеде.

Теперь, когда я стою на митинге 9 Мая и держу портрет фронтовика (портрет прадедущки держит сестра), я понимаю, что имею непосредственное отношение к этому празднику, ведь наши прадеды сражались за нас. Я стараюсь очень высоко и бережно нести портрет, чтобы его родственники тоже видели, что их ветеран не безразличен нам, молодому поколению, ведь нет «чужих» солдатских могил. И это самое малое, что я могу сделать в память о наших ветеранах.

Теперь я знаю тебя, прадед! Теперь мне дорога память о тебе! И я чувствую, что праздник Победы — это мой праздник.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66